

© 2009 г. М.В. ВСЕВОЛОДОВА

ПОЛЯ, КАТЕГОРИИ И КОНЦЕПТЫ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

В статье рассматривается вопрос о разграничении понятий и терминов «поле» и «категория» (в частности, функционально-семантическое поле – ФСП и функционально-семантическая категория – ФСК). Рассматриваются категориальные ситуации в концепции А.В. Бондарко и типовые ситуации в лингводидактической модели языка. Предлагается вариант матрицы общеязыковых концептов как основы структурирования семантического (содержательного) уровня языка и показывается наличие полей других уровней.

К постановке вопроса. Лингвистика – наука гуманитарная, но точная: язык не может быть беспорядочным скоплением единиц и множеств, иначе он не был бы столь совершенен. Вопрос о его структуре и структурах периодически возникает. Здесь мы ставим вопрос о разграничении понятий «поле» и «категория» и о возможных «рангах» полей и категорий как структурообразующих единиц языка.

Понятие функционально-семантического поля (ФСП) как национально детерминированной реализации семантических категорий (СК) [Бондарко 1967; 1969; 1971а и др.] прочно вошло в лингвистику. Говоря о СК, обычно оговаривают, что у И.И. Мещанинова (Брюно, Есперсена) здесь употребляется термин «логические» или «понятийные категории». Думается, что термин «логические» или «понятийные категории» рационально относить к категориям Языка, а их реализацию в каждом языке вслед за А.В. Бондарко именовать категориями семантическими. Далее мы эти термины используем именно так.

Мы согласны с мнением А.В. Бондарко об относительности «рангов» СК. «Инвариантность ряда семантических категорий не абсолютна, а относительна. Некоторые категории, несмотря на высокую степень их обобщенности, все же могут быть подведены под более общее понятие. Так, аспектуальность вместе с временной локализованностью и таксисом образует тот комплекс семантических категорий, которые представляют собой различные стороны более общего (максимально широкого) понятия времени» [Теория 1: 29]. Это хорошо объясняет и разрабатываемую в последнее время теорию концептов [Кубрякова и др. 1996]. Мы имеем в виду концепт не как понятие одного слова, а как категорию наиболее высокого в смысловой организации Языка ранга. Соотнесенность этих понятий в системе Языка представляется нам требующей внимания и обсуждения¹.

Понятие ФСП оказалось очень продуктивным и в прикладной, функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка [Амиантова и др. 2001], сформировавшейся как осмысление описания русского языка в целях его преподавания инофонам, теоретически подтвердив правомерность уже давно к тому времени используемой в практике преподавания подачи языкового материала «от смысла», когда в рамках одного урока даются средства разных уровней: от морфемы до сложного предложения, – выражающие однотипные смыслы.

¹ Автор признателен Е.В. Клобукову за конструктивные замечания, сделанные в ходе работы над статьей.

Примечание. Под моделью языка мы понимаем (в отличие от содержания этого термина у И.А. Мельчука [Мельчук 1995]) сформировавшееся у исследователя в ходе решения им его практических задач представление о языке как некоторой целостности. При таком подходе для Г.А. Золотовой, создающей эффективный инструмент анализа языка художественных произведений, для А.В. Бондарко как собственно теоретика, интересующегося общей структурой языка, и для преподавателей-практиков, обучающих инофонов продуцированию и восприятию русской речи адекватно условиям общения, – концепции функциональной грамматики различны. В отличие от всех других моделей, мы не можем ограничиться фиксацией языкового факта (например, конкуренции видов в общефактическом и перфектном значениях), а должны дать правила выбора конкретной грамматической единицы (словоформы, модели, порядка слов, интонации) в конкретном дискурсе с учетом всех связей и условий дополнительной дистрибуции, то есть, показать, почему в предложениях *Конференцию открывал / открыл ректор МГУ; Этот дворец строил / построил Растрелли* конкуренция видов возможна, а в предложениях: *Америку открыл Колумб; Периодическую систему создал Менделеев*; – обязателен СВ. Сейчас мы этого не знаем. Наша модель как модель открытого типа использует положения и коллег-«функционалистов», и представителей других направлений лингвистической парадигмы, если эти положения имеют для нас объяснительную силу. «Модель не может быть неправильной, она может быть другой», – справедливо отмечалось в литературе. В силу признания единства и многофакторности Языка мы рассматриваем результаты каждой модели языка как свою «правду» на пути к истине.

Описание категорий времени, пространства, причины, состояния в прикладных целях² выявило ряд особенностей в структуре и типах ФСП, релевантных для характеристики ФСП в рамках нашей модели языка. Сопоставив их с уже имеющимися описаниями ФСП, мы предлагаем коррективы, в том числе и к нашим положениям, высказанным, например, в [Всеволодова 2000].

Интерес к типологии, структуре и принципам классификации ФСП закономерен [Клобуков 1998; 2000а; 2000б; 2001] и др. Основу для дальнейших изысканий здесь составляет фундаментальная коллективная монография под редакцией А.В. Бондарко «Теория функциональной грамматики», в частности, введение в [Теория 1: 5–39], как и введение в [Проблемы 2005]. «Разработка теоретических оснований функциональной грамматики, – пишет А.В. Бондарко, – имеет поисковый характер. Предлагаемое истолкование принципов грамматического описания и системы исходных понятий представляет собой концепцию, рассчитанную на уточнение и развитие в ходе последующих исследований функциональной ориентации» [Теория 1: 38]. С этих позиций мы обсудим вопросы: 1. Структура поля и структура категории. 2. Типовая и категориальная ситуации как составляющие ФСП и ФСК. 3. Принципы классификации ФСП. 4. Другие возможные типы функциональных полей.

1. СТРУКТУРА ПОЛЯ И СТРУКТУРА КАТЕГОРИИ

1.1. Определение ФСП как семантических категорий, рассматриваемых «вместе с комплексом разноуровневых средств их выражения в данном языке» [Теория 1: 31] принципиально: оно представляет органическое для языка единство двух, казалось бы, взаимоисключающих структур – поля и категории³. И поскольку основу формирования ФСП составляет содержательный аспект, выделение этого аспекта именно как категории, то есть, системы оппозиций важно: это, думается, обусловлено спецификой человеческого разума, который для объективации наблюдаемых явлений должен их как-то организовать, категоризовать. И понятие микрополя (МП), используемое в

² [Всеволодова 1975; Всеволодова, Владимирский 2008; Всеволодова, Яценко 2008; Всеволодова, Го Шуфень 1999; Котвицкая 1990; Лебедева 2005; Жданова 1998; Панков 2008] и др.

³ Мы встречались с двумя мнениями: 1) исследователь должен придерживаться какой-либо одной концепции: либо поле, либо категория; совмещать их нельзя, это просто разные подходы к языку; 2) термины «поле» и «категория» суть синонимы, принципиальных различий между ними нет. Очевидно, что мы не согласны ни с одной из этих теорий.

Теории функциональной грамматики (ТФГ), идеально для характеристики составляющих СК субкатегорий – противочленов оппозиций разных рангов. Поле же – общая для мироздания структура (ср. гравитационное, электрическое поле). Именно поэтому начнем с разграничения понятий поля и категории, в том числе, ФСП и ФСК, в [Всеволодова 2000: 76–77] не разграничиваемых, хотя они предполагают принципиально разные типы структур.

1.2. Поле в его традиционном представлении это континуальное сферическое образование с центром (ядром), где его характеристики представлены наиболее однозначно (сейчас это морфологическая доминанта – форманты, маркирующие значения данной категории), и ослабевающими к периферии зонами: приядерной, ближайшей периферийной, отдаленной, более отдаленной периферийной и т.д. (см. также [Проблемы 2005]).

Наличие в составе поля семантических МП – структур оппозитивных, не связано, как представляется, с наличием зон: «зональность» формируется за счет степени маркированности языковых средств – от специальных до вообще не маркированных в этом отношении единиц. Но само наличие МП разного уровня – принципиальная характеристика семантической категории. И уже в этом – органическое единство поля и категории.

Поле не имеет четко выраженных границ и пересекается с другими полями [Бондарко 1983; Гулыга, Шендельс 1969; Дешериева 1975]. Материал показал, что пересекаются не поля вообще, а формирующие их категории (см. ниже) – таков механизм пересечения. Осложненные значения (пересечение с другими категориями) традиционно считаются признаком периферийности. Но «скромность» оппозиций и осложненность, например, значения времени значениями локативности, каузальности и под., не налагаются друг на друга, что очень четко проявилось в категориях именной темпоральности и именной локативности (выражение времени и пространства формами существительных) [Всеволодова 1975; 1983; 2000; 2005а; 2005б; Всеволодова, Владимирский 2008] и др. категориях. Пересечение полей происходит в центре и не затрагивает периферию категории. Пересечения нескольких полей тоже образуют свое поле с «минусовым» центром, где все характеристики этих полей выражены минимально [Туманова 1985].

1.3. Что касается категорий, то к настоящему времени лингвистика оперирует двумя типами представления структуры категории: 1) категории, формируемые по принципу дихотомических оппозиций; их графическое представление реализуется обычно в так называемом дереве оппозиций, или дендраграмме; 2) категории, формируемые на основе двух множеств признаков, наличие и совмещение которых в каждом классе языковых единиц данной категории может быть представлено в виде матрицы (таблицы). Дихотомия реализуется как многоступенчатое разбиение на два и только на два противочлена на основе принятых в математической логике правил разбиения множества на подмножества с формулированием основания сравнения и дифференциальных признаков получаемых подмножеств [Трубецкой 1961; Ломтев 1973]. Дихотомия исключает ошибку непропорционального деления типа «Люди делятся на мужчин, женщин и блондинов» [Маркус 1963]. Оппозиции по степени маркированности признака бывают эквиполентными, привативными и градуальными (с последними мы в лингвистической практике, правда, не встретились), а по степени регулярности проявления – пропорциональными (есть в разных ветвях дерева оппозиций) и изолированными (не повторяющимися) [Маркус 1963]. Пропорциональные оппозиции характеризуют грамматические категории, изолированные – лексические. Опыт показал высокую релевантность этих признаков.

1.4.1. Принципиальные различия в структуре полей и категорий не означают их несовместимости. Полевую структуру имеют как логические категории в Языке [Бондарко 1971б; Плунгян 2003], с центром, имеющим доминантные граммы, например, артикли для выражения определенности / неопределенности субстантивов в артиклевых языках, и периферию – набор разных немаркированных средств для выполнения

той же функции в славянских языках, хотя сама категория неопределенности у славян, несомненно, на порядок разработаннее и сложнее артиклевой маркировки субстантивов; так и СК в каждом языке: ядро с большим количеством оппозиций и периферийная ветвь дерева с нейтрализованными оппозициями и скромным набором средств выражения. Ср. одну из характеристик центра ФСП в [Проблемы 2005: 18]: «сосредоточение связей, участие в максимальном числе оппозиций»; (пример центра и периферийных зон оппозитивной системы дан ниже).

1.4.2. Зоны пересечения есть и между категориями одного ФСП, например, между категориями именной и наречной темпоральности (ИТ и НТ) [Всеволодова 2005в; Панков 2008]. Так, значение прямого повторяющегося времени, неполностью занятого действием, представлено оппозицией: «формы, не маркированные относительно степени регулярности» *по средам, по праздникам* (ср. *иногда / всегда по средам*), vs. «маркированные по степени регулярности» с оппозицией следующего ранга: «время, маркированное как нерегулярное»: *порой, временами, по временам, время от времени* vs. «время, маркированное как регулярное»: *каждую среду, изо дня в день; раз в день, три раза в год*. Словоформы группы *порой* есть зона пересечения ИТ и НТ. Они, как и наречия, выступают в роли конкретизаторов к немаркированным формам: *Время от времени по средам у нас бывают семинары*.

1.4.3. Кроме того, во-первых, сам центр ФСП, как он сейчас понимается, содержит некоторую оппозицию [Бондарко 1967; 1969; 1983; Гулыга, Шендельс 1969], а во-вторых, континуальность поля формируется как раз оппозициями составляющих его категорий.

1.5.1. Рассмотрим вопрос о взаимоотношении ФСП и ФСК на материале категории Времени в широком смысле слова (см. выше [Теория 1: 29]). Сделаем три оговорки.

1) Представляется, что такая интерпретация категории Времени корректирует более раннюю концепцию А.В. Бондарко, разводившую поле темпоральности (предикативная группировка ФСП) и поле времени (обстоятельственная группировка) [Бондарко 1983] и позволяет рассматривать ФСП Времени как единую структуру (см. [Всеволодова 1983]), хотя в ТФГ ФСП темпоральности представлено как исключительно глагольная категория [Теория 2: 5–58] с одним – глагольным ядром; других ФСП времени в ТФГ нет.

2) Это позволяет рассматривать таксис, длительность, повторяемость как единые категории для всех средств выражения времени (ср. таксис и относительное время в [Теория 2: 13]). Формулировка «признак указания на определенный исходный пункт ориентации (как точку отсчета)» [Теория 2: 7] относится именно к таксису, а не к темпоральности вообще, поскольку она не учитывает такую характеристику времени как протяженность, непосредственно связанную с ФСП количественности, ср.: *работал два года, построит дом за месяц*, где собственно точка отсчета – момент речи (МР) – не участвует в количественной характеристике действия. Ниже термины «таксис», «протяженность» («длительность»), «повторяемость» («кратность») употребляются по отношению к данным смыслам независимо от средств, которыми они выражены (а это и есть характеристика ФСП), – именно эти категории являются основными в определении понятия «Время»: «Ближайшим определением времени являются его определения как длительности процессов и как порядка последовательности явлений» [Аскин 1966] (Выделение наше).

3) Под понятием «временная локализованность» в ТФГ, очевидно, скрываются именные темпоральные группы (именные синтаксемы со значением времени, далее ИТГ) и темпоральные наречия, объединенные в [Теория 2: 53] термином «лексические обстоятельственные конкретизаторы темпоральных отношений – ЛКТ», обслуживающие, в частности, и МП аспектуальности, но формирующие вкупе с другими средствами именно ФСП темпоральности, входящее вместе с ФСП аспектуальности в поле Времени.

1.5.2. Соответственно, при таком понятии времени в это ФСП и в эту СК помимо предложенного А.В. Бондарко перечня собственно глагольных категорий должны

войти и другие языковые средства выражения времени, а также временной лексикон: грамматика живет и работает в лексике и вне лексики не существует. (А.В. Бондарко говорит о «строевых словах», называя (вслед за Л.В. Щербой) **вчера**, **долго** [Теория 1: 6]; но это полнозначные слова, а строевая лексика – это другое.) Это функционально-семантические классы слов – существительных [Всеволодова 1975] и наречий [Панков 2008], формирующие свои категории в рамках поля; прилагательных типа **завтрашний**, **долгий** и проч., а также собственно строевая лексика – **временные релаторы**, обслуживающие и таксис, и длительность, и повторяемость, ср.: *Эти бревна – ровесники Ивана Грозного* (Устн. ТВ, 10.05.07)⁴.

1.5.3. Анализ неглагольных средств выражения времени показал:

1. А.В. Бондарко абсолютно прав в том, что поле Времени включает пересекающиеся субполя темпоральности и аспектуальности. Но это поля принципиально разного характера: отражательное (темпоральность) и интерпретационное (аспектуальность).
2. Поле темпоральности, как показывает наш материал, имеет два основных МП: таксиса и протяженности (длительности) действия, что полностью совпадает с основными характеристиками времени как категории. Несомненно, эти МП есть и в ФСП аспектуальности (в рамках которого хотелось бы иметь не просто список категорий через запятую, а структуру их отношений в данном МП и основания выделения, см. [Трубецкой 1961; Ломтев 1973]). Оппозиции основных МП, общих для ФСП темпоральности и аспектуальности, очевидно, составят собственную категорию, судя по всему, ту самую СК, которая лежит в основе ФСП. Возможно, что МП таксиса и длительности составляют первую оппозицию в рамках поля аспектуальности, а возможно и в рамках поля темпоральности тоже. Уже в каждом из МП – таксиса и длительности – есть оппозиция «единичность» vs. «кратность», привативная в пользу единичности, ср.: *В среду / по средам у меня семинар; после обеда гулял час / по часу*. (Ее место в системе покажем ниже.) Важно, что в рамках конкретных категорий эти оппозиции имеют свою структуру [Теория 1: 28 и сл.]. Так, в категории ИТ (где значение длительности формулируется как «время, полностью занятое действием» [Ломтев 1956]) длительность появляется уже внутри таксиса, формируя в рамках как прямого (момент действия в границах временного ориентира – *летом : все лето*), так и относительного времени (момент действия вне временного ориентира – *к лету : до лета, после лета : с лета, между летом и зимой : с лета до зимы*) привативную в пользу левого противочлена оппозицию, ср.: *летом / все лето жил в деревне; перед обедом / до самого обеда гулял; между обедом и ужином / от обеда до ужина читал*. Если ИТГ со значением времени, полностью занятого действием, образована названиями временных единиц, определенных или неопределенных отрезков времени, налицо собственно категория длительности: *два месяца / долгое время болел*; если ИТГ образована событийными именами [Арутюнова 1976] – пересечение таксиса и длительности: одновременность – *весь урок молчал*; предшествование – *до самого урока читал*; положение между событиями: *со среды по субботу болел*; следование: *с утра дождит*. Длительность есть величина измеряемая [Теория 5: 163], и, значит, здесь пересекаются ФСП темпоральности и количественности. ИТГ типа (*работал*) *два месяца* входят и в ядро поля количественности. Но пересечение этих ФСП появляется раньше: в прямом времени, неполностью занятом действием, есть оппозиция «время, не маркированное по количеству действия» *В мае я ездил в Питер* vs. «время, соотнесенное с количеством действия»

⁴ Понятие «релатора» было выдвинуто Т.П. Ломтевым [Ломтев 1979], а термин принадлежит Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976]; см. также [Всеволодова 2000; 2005б]. Категория временных релаторов разработана в дипломной работе студентки филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.Н. Дулиной «Простые предложения с временными релаторами», выполненной под руководством автора и защищенной в 2008 г.; далее [Дулина 2008].

За май / За весь май трижды ездил в Питер. (То же в именной локативности: «локум, неполностью занятый предметом или действием» *В городе есть театр* vs. «локум, соотнесенный с количеством предметов / действий» *Во всем городе / На весь город один театр*; ср. неотмеченность **Во всем городе есть театр, *На весь город есть театр.*) А это ядерная часть этих категорий.

3. В категории НТ первая оппозиция – «наличие vs. отсутствие временного ориентира», ср.: *давно, вскоре : долго, часто*, что объясняется различием в свойствах имен и наречий: само имя называет ориентир, а его форма – отношение к нему: *урок – на уроке / до урока / после урока*, наречие же называет отношение, а ориентир либо совпадает с МР, либо назван в предтексте. Левый противочлен первой оппозиции в НТ и есть основа таксиса, в рамках которого выявляется оппозиция по характеру временного ориентира: «МР» (субъективный, или некалендаризованный ориентир): *давно, скоро* vs. «некоторое событие» (объективный, или календаризованный): *заранее, поздно, своевременно*. См. формулировку А.В. Бондарко «Момент речи говорящего является основной исходной точкой отсчета временных отношений. Кроме того, в роли исходного пункта временной ориентации может выступать какой-то иной момент» [Теория 2: 7], который и обозначается в тексте. В противочлене «отсутствие временного ориентира» выявляется оппозиция «длительность» *долго, недолго* vs. «кратность» *часто, многократно*, со следующими оппозициями уже внутри каждого значения [Панков 2008].
4. В рамках ИТ кратность имеет «свои» формы только для прямого времени: *в среду / по средам, ночью / ночами*, а в рамках относительного времени подключаются другие категории: вид глагола: *пришел / приходил перед уроком*, лексика типа *всегда, каждый раз*, либо форма числа имени: *перед уроками*. Различия в составе и ранге оппозиций есть и в других фрагментах. Как видим, структура МП различна для ИТ и НТ. Такой категоризации для глагольного времени пока нет. В МП самого таксиса (как категории Времени) первой может быть оппозиция по характеру ориентира – «субъективный» vs. «объективный ориентир». МР может быть показан имплицитно: *Я работаю над докладом*, или дискретно (в терминах [Теория 1: 26]), то есть, наречиями и ИТГ: *Сейчас / В данное время я работаю над докладом*. Это ядерные средства выражения дискретности в категории временной локализованности / не-локализованности действия ФСП аспектуальности.

Примечание. Напомним, что кроме **морфологического времени** (формы времени глагола в их прямом употреблении), есть еще и **синтаксическое время предложения** [Ломтев 1973; Дешериева 1975; Всеволодова 2000]. Синтаксическое время предложения может не совпадать с морфологическим временем глагольной словоформы. Оно определяется или лексическими показателями времени либо в самом предложении – в микротексте: *Иду я вчера по улице и вижу.... Через год сын кончает школу, пора думать об университете*; либо в ближайших предшествующих предложениях – в макротексте: *В прошлое воскресенье ездили мы на рыбалку. Подходим к озеру, а там...; или контекстом: Ведь тех же носорогов (шерстистых, вымерших вместе с мамонтами. – Авт.) кормила тундровая степь, которая скоро исчезнет* (Знание-Сила 4/08). При такой маркировке времени действия форма времени глагола не релевантна. Так, после предложений *Прошлым летом я жил в деревне, у меня был свой распорядок*. Возможны все три формы времени и оба вида (кроме форм с *буду*): *Я вставал / встал на заре, шел / сходил на озеро, купался / искупался, делал / сделал пробежку и шел / пришел домой; – Встаю / встану на заре, иду / схожу на озеро, купаюсь / искупнусь, делаю / сделаю пробежку и возвращаюсь / вернусь домой*. То же для будущего времени: *Я представляю себе, как это будет: вот я приехал / приезжаю / приеду в Питер, вышел / выхожу / выйду на Невский и пошел / иду / пойду пешком к Исаакию*. Синтаксическое время предложения – понятие более сложное и многофакторное, нежели глагольное время. Оно позволяет различать собственно значение формы времени глагола (прямое употребление) и ее употребление в контексте другого времени (переносное).

5. Основное средство выражения таксиса относительно МР – прямое употребление форм времени глагола, что исключает из этой категории повествование, репродук-

тивный регистр [Золотова 1982] и нарративный режим [Падучева 1996; Формановская 1998]. Материал показывает, что понятия режимов речи, типологии текстов и их регистров очень релевантны для выведения правил употребления форм глагольного времени [Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008], что свидетельствует о многофакторности языка.

Примечание. Так, в нарративном режиме в информативном регистре наличие в предложении наречия **вчера** не позволяет употребить историческое настоящее, ср. в теленовостях: *Вчера Путин встретился с представителями разных российских конфессий* при неотмеченности **Вчера Путин встречается с представителями... конфессий*; но в коммуникативном (речевом в терминах Е.В. Падучевой) режиме такое употребление абсолютно правомерно: *Встречается вчера Путин с представителями разных конфессий и говорит им...* (Подробнее [Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008]). Эти факторы актуальны и для категории вида, но, судя по всему, пока при анализе этой категории не учитываются, ср. пример узуально-квалитативного значения СВ (в терминах А.В. Бондарко) типа: *Отчего это няня всегда угадает, а вы не умеете* (О. Форш) [Теория 1: 35], возможное только в коммуникативном режиме речи.

В случае соотношения во времени двух самостоятельных действий: *сиду и пишу, встал и вышел* – налицо совмещение таксиса субъективного (форма времени глагола) и объективного (соотношение видовых форм). Эксплицируют отношение к ориентиру в первую очередь наречия типа **вчера**, либо ИТГ типа *в прошлом году, на будущей неделе*.

6. Но если попытаться представить категорию (т. е. дихотомию) самого таксиса, то в рамках объективного (календаризованного) таксиса первой, по всей вероятности, является оппозиция независимого и зависимого таксиса (термины А.В. Бондарко), что связано со способом представления событий, временное соотношение которых устанавливается. При независимом таксисе ориентир формально не маркирован, и два события выступают как равноправные, паритетные компоненты ситуации: *сидел и писал vs. написал и вышел*, но, наверное, и *Мороз и солнце! (День чудесный!)* (Пушкин). В зависимом таксисе одно из событий маркировано как ориентир, относительно которого определяется время другого действия. Маркировка события-ориентира переводит его в грамматически подчиненную позицию, например: *писал сидя – написав, вышел*. Так, независимый таксис типа *Допили чай и заговорили о делах* коррелирует с зависимым: деепричастие – *Допив чай, заговорили о делах*; придаточное времени: *Когда допили чай, заговорили о делах* (примеры из [Теория 1: 17]). Впрочем, компоненты таксиса могут меняться местами: *Прежде чем заговорить о делах, допили чай*; или *После того, как допили чай, заговорили о делах*. Думается, этот список дополняют случаи: *После чая заговорили о делах*; *Перед разговором о делах допили чай*; и: *Разговору о делах предшествовало чаепитие*; *За чаепитием последовал разговор о делах*, – где таксис выражен глагольными реляторами [Всеволодова 2000: 41]. Содержательный инвариант во всех предложениях один. Значит, ИТГ здесь столь же системны, как и деепричастия и придаточные предложения (см. [Храковский 2005: 69]). Различия между деепричастием, придаточным времени и ИТГ (обстоятельство времени), связаны с грамматической семантикой, различной для этих единиц [Теория 1: 241]. Но грамматическая семантика этих средств пока не сформулирована.
7. Таким образом, дискретный ориентир в зависимом календаризованном таксисе системно выражается и категориями ИТ и НТ [Всеволодова 2005б; Панков 2008]. Для этих фрагментов таксиса глагольное время (в отсутствие маркировки типа *в прошлом году, завтра*) не релевантно: *пришел / приходит / придет во время урока / до урока / после урока; сказал / говорит / скажет заранее*. Темпоральные наречия, ИТГ и глагольное время, где-то пересекаясь, системно обслуживают разные участки МП таксиса и длительности.

8. В категории же ИТ первой является оппозиция именно в таксисе – «прямое время» (момент действия и событие-ориентир, названный существительным безотносительно МР, совпадают): *летом отдыхал, в этом году пишу книгу, на той неделе уеду* vs. «относительное время» (не совпадают): *спал до семи, после урока пойду в читальню, между часом и двумя позвоню*; – представленные каждое своей системой оппозиций.

Прямое время (левый ствол дендраграммы), несомненно, центр категории, представлен оппозицией немаркированности / маркированности действия как протяженного. Именно в этом фрагменте «прямое время, неполностью занятое действием», выражаемым такими ИТГ, как *в среду, в мае, летом, на Рождество, по осени* и др., наблюдается разнообразие форм [Всеволодова 1975; 1983]. Во всех других фрагментах системы разнообразия форм и их зависимости от лексики нет.

9. В субполе темпоральности длительность – маркированный компонент оппозиции «действие, не маркированное относительно краткости / длительности» (время, неполностью занятое действием): *в среду / вчера позвонил / гулял в парке* vs. «действие, маркированное как длительное» (время, полностью занятое действием): *два часа / долго звонил / гулял в парке*. Для аспектualityности этот аспект разработан в категории лимитативности [Теория 1: 46–134], и было бы интересно его оппозитивное представление. Длительность в рамках ИТ далее дает оппозицию: «протяженность, оцененная объективно»: *работал два дня, читал весь вечер*; vs. «оцененная субъективно»: 1) «краткая»: *отдохнул недельку, в три года построили город*; vs. 2) «длительная»: *отдыхал целый час, годами работал*.
10. Категория лимитативности субполя аспектualityности очень глубоко пересекается с категорией ИТ именно в рамках значения времени, полностью занятого действием, где выявляется оппозиция «время, не маркированное относительно незавершенности / завершенности»: *Решал задачу два часа; Работал всего неделю* vs. «время, маркированное относительно незавершенности / завершенности действия» со своей оппозицией: «время, маркированное относительно незавершенности действия»: *Решал задачу уже второй час, когда нашел неожиданное решение*; vs. «время, маркированное относительно завершенности действия»: *Решил задачу за два часа*. МП протяженности тоже обслуживается как ИТГ: *работал годами, гулял с трех до пяти*, так и наречиями: *занимался долго / недолго*. Как видим, в ИТ и НТ есть специфические средства, обслуживающие аспектualityность. Именно они трудны для инофонов. (Русист-испанец жаловался: он не понимает, что значит *Построил дом за лето*.) Уже в рамках таксиса и протяженности, напомним, появляется привативная в пользу единичности пропорциональная оппозиция единичность vs. повторяемость: *в среду / по средам у меня семинар; перед обедом гулял час / по часу*.
11. И, наконец, на самом конкретном уровне в центре категории ИТ, появляется оппозиция: «неосложненное значение», например: *Во время обеда пришел почтальон*; – *Во время обеда говорили о делах; Во время урока Петя сидел в саду*; – *Во время урока Петя отвечал у доски*; vs. «осложненные значения», то есть зоны пересечения с полями локативности, как, например: *За обедом говорили о делах*; но не: **За обедом пришел почтальон; На уроке Петя отвечал у доски*; но не: **На уроке Петя сидел в саду*; каузальности: *По воскресенью народ отдыхает; По осеннему времени легко дышалось*; ситуативности: *В сумерках белело ее платье* (ср.: *Он вернулся уже в сумерки*); *В ночи ярко светились окна домов*. На крайней периферии категории ИТ – в рамках значения «действие / событие, ориентированные относительно двух временных ориентиров» (крайняя правая ветвь дерева) – налицо всего одна оппозиция: «время, неполностью занятое действием» *позвонил между тремя и пятью часами* vs. «время, полностью занятое действием» *звонил с трех до пяти*; все остальные значения реализуются контекстуально: *с трех до пяти решал задачу / решил одну задачу*. Эта «тупиковость» и отсутствие осложнений говорят о глубокой периферийности этой «веточки» оппозиций в рамках ИТ. Таким образом, можно сделать три вывода:

Вывод первый: ФСП темпоральности есть СК, сформированная МП, использующими для своего выражения структурно организованные языковые средства разных уровней. Этот вывод включает следующие положения.

1. Семантическая категория темпоральности – это оппозитивная структура, включающая на разных уровнях категории: 1) таксиса, 2) длительности с оппозицией немаркированной / маркированной незавершенности / завершенности действия и 3) повторяемости.

2. Обслуживающие те или иные МП этого ФСП разные языковые средства четко организованы по грамматическим категориям, каждая из которых выполняет свои функции и имеет свою дихотомию. Этот факт подтверждает значимость частеречных категорий [Кубрякова 1997], но и не только их. В ФСП темпоральности выступают:

1) **Категория глагольной темпоральности**, обслуживающая – при прямом употреблении форм – субъективный и независимый таксис. Последний глубоко пересекается с аспектуальностью, где тоже действует «единичность» vs. «повторяемость», оказывающаяся «сильнее» видовых «предпочтений» таксиса, ср.: *встал и вышел* и: *вставал и выходил*. Возможен ориентир-деепричастие: *читал, подчеркивая ошибки* / *читая, подчеркивал ошибки*; *упав с лестницы, разбил коленку* / *упал с лестницы, разбив коленку*.

Примечание. Думается, что оппозиция «прямое» vs. «переносное употребление форм времени глагола» – первая в дихотомии каждой из форм времени глагола в категории глагольного времени. Прямое употребление – лингвистическая универсалия, и в самом общем виде в зависимости от степени сложности структуры этой категории в языке употребление этих форм в разных языках совпадает. Переносное употребление всегда национально детерминировано, и поэтому, будучи системным в одном языке, может не иметь соответствующего эквивалента в другом [Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008].

2) **Категория именной темпоральности**, обслуживающая таксис, длительность и кратность. Значение длительности выходит непосредственно на категорию аспектуальности в оппозиции по маркированности незавершенности / завершенности действия. Пересечение ФСП темпоральности и аспектуальности проходит в ядре категории ИТ.

3) **Категория наречной темпоральности**, обслуживающая названные МП и МП темповых характеристик: *быстро* / *медленно читает* – *быстро* / *медленно прочел* [Панков 2005; 2008].

Примечание. Мы до сих пор относимся к наречиям, в частности, темпоральным, как к некоторому набору лексических единиц, не представляющих особого интереса для грамматики. Вместе с тем, отрицательный материал показывает, что для корректного описания правил употребления видо-временных форм глагола релевантными оказываются факторы, в поле нашего внимания не попадавшие. На одном из конгрессов француз-русист в докладе сказал: *Я как лингвист не раз встречаюсь с этой проблемой*, – где словоформа *не раз* (как и слова *неоднократно, многократно*) для русского языка некорректна, при возможности *часто* / *регулярно* / *иногда встречаюсь*. Заметим, что в прош. и буд. времени эти ограничения снимаются: *Я не раз встречался / еще не раз буду встречаться с этой проблемой*. В аспектологии наречия типа *неоднократно* и *часто* даются в одной группе. Очевидно, что рационально разделить наречия со значениями «кратность» («однократность» vs. «многократность») vs. «степень регулярности». Не вдаваясь в объяснения, отметим, что для наречий со значением многократности релевантны в этом случае такие факторы, как 1) прямое / переносное употребление формы настоящего времени, ср.: *Уже в 60-е годы прошлого века ученые не раз встречаются с этой проблемой*; 2) первичность / вторичность текста: в пересказе, изложении содержания, рецензии и под. выражения типа *В монографии мы не раз встречаемся с этой проблемой*; – абсолютно корректны [Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008]. Налицо такие фундаментальные характеристики языка как его многофакторность и взаимодействие средств разных уровней, что и нужно описать в грамматике.

ИТ и НТ локализуют действие во времени, но не как бессистемные лексические группировки, а строгие категории – компоненты поля Времени. ИТГ дает двойную таксисную ориентацию (при прямом употреблении времен глагола): *В следующую среду* [объективный таксис, одновременность] *он будет сдавать экзамен* [субъективный таксис, следование за МР]. Эти «двойные» ориентиры и позволяют выйти на: *В следующую среду он сдает экзамен*.

4) Категория сложного предложения времени (СПв), еще не проработанная в плане дихотомической, категориальной устроенности. Систему смыслов СПв нужно соотнести со структурами систем других категорий поля темпоральности. См. [Храковский 2005: 36 и сл.]. В категории СПв есть смысл выделять два класса: 1) временное соотношение двух событий: *Когда начался дождь, мы вернулись домой*; ср. изменение смысла при изменении «придаточности»: *Когда мы вернулись домой, начался дождь*; 2) синтаксически сложные, но семантически простые, «однособытийные» предложения, где компонента времени выведена в логическую пропозицию: *Мы вернулись домой в 9 часов вечера*; – где при изменении придаточности смысл не меняется: *Мы вернулись домой, когда было 9 часов вечера / Когда мы вернулись домой, было 9 часов вечера* [Ю Хе Кён 1996].

5) Простые предложения с темпоральными реляторами – глаголами, прилагательными и именами типа: *Конференцию предваряла длительная подготовка*; *В этом году Рождество приходится на среду*; *Эта церковь современна Ивану Грозному*; *Эти постройки, <...>, разновременны*; *Ломоносов и Лаувазье – современники*. Эта группировка формирует самостоятельную дихотомическую структуру, где первая оппозиция «таксис» *За маем следует июнь*; vs. «длительность»: *Лето там длится всего месяц*. В МП таксиса временной ориентир маркирован зависимой формой имени, пересекаясь с МП повторяемости: *Проливные дожди перемежались / чередовались с необычайно жаркими неделями*. Глаголы типа *длиться, продолжаться, занять, отнять, провести* [где? или как?] (сколько времени) обслуживают МП длительности [Дулина 2008]. Такие средства Г.Д. Фигуровская называет «метаконструкциями», включая сюда еще некоторые случаи [Фигуровская 2007], пока как перечисление «через запятую». Возможно, это своя категория, где должны быть и модели, обслуживающие само время *Стояла зима; День клонился к вечеру; Настала весна; Лето прошло*.

3. Соответственно, субполе темпоральности формируют, по крайней мере, пять грамматических категорий. Именно эти категории в рамках ФСП мы предлагаем считать функционально-семантическими категориями (ФСК). Такое терминопотребление позволяет исключить ненужную синонимию ФСП и ФСК (см., в частности [Бондарко 1976: 52–53; Всеволодова 2000: 76]; каждый из терминов обретает свое содержание.

Примечание. Кстати, именно на такой основе – принадлежности средств к определенным грамматическим разрядам – в [Теория 5] структурируется ФСП количественности [Теория 5: 161].

Выявлены: 1) ФСК именной и наречной локативности, но и СП типа *Деревня, где скучал Онегин, была прелестный уголок* (Пушкин); – тоже ФСК; 2) ФСК именной, наречной и предложенческой каузальности, ср.: *По глупости согласился – Сглупу согласился – Согласился, потому что сглупил*. О ФСК русской именной каузальности и ее пересечении с другими ФСК, в частности, состояния / отношения см. [Всеволодова, Котвицкая 1999; Всеволодова 2005в; Лебедева 2005; Крючкова 1979; Ван Янчжен 1999; Всеволодова, Го Шуфень 1999]. В ФСП каузальности тоже есть категория, формируемая реляторами: *Дожди привели к наводнению, Наводнение – следствие дождей* [Беленькая 1994; Всеволодова 2000: 41]. Поскольку ФСК базируется на системе значений, а выражается средствами одного грамматического класса, то, в отличие от ФСП как двуединства СК и средств разных языковых уровней, ФСК есть

двуединство системы значений и одного категориального языкового средства, формирующего эту систему.

Вывод второй. Структура ФСП представлена не только зонами от ядра к периферии, но и секторами, грамматически или лексически (например, НТ, где нет пропорциональных оппозиций) организованными. Это характеризует Язык как систему. В секторе есть центр и периферия. МП тоже имеет доминанту и слабо маркированные периферийные средства. Соотношение МП и его ФСК нужно осмыслить. Но если каждая ФСК имеет свой центр, а в каждом ФСП есть несколько типов языковых средств, каждое из которых образует свою ФСК, очевидно, любое ФСП по определению должно быть полицентрично.

Вывод третий. Пересечение ФСК с другими ФСП и ФСК происходит в ядерной части ФСК как на достаточно высоких рангах разбиения, как например, пересечение ФСК ИТ с количественностью и аспектуальностью; так и на более низких рангах разбиения, как например, пересечение ФСК ИТ с ФСК локативности, каузальности, ситуативности и пр.

Но предварительный вывод таков: в [Теория 1: 34–35] утверждается, что грамматические и лексико-грамматические основания ФСП «не сводятся к системам противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями, т. е. не сводятся к грамматическим категориям». На деле грамматические и лексические категории в рамках любого ФСП строго организованы и представлены своими категориальными лексическими, лексико-грамматическими, морфосинтаксическими и синтаксическими системами. Каждая такая ФСК по-своему обслуживает МП внутри ФСП, пересекаясь с другими ФСК. Таким образом, можно говорить:

1) О категориальной структуре и СК, и языковых средств разных уровней, не изоморфных друг другу (это отмечается в [Теория 1]), что и оптимизирует решение потребностей говорящего. Отрицание внутренней организации смыслов в рамках ФСК, сформированных единицами одного уровня, означало бы отрицание смысла самой грамматики. Грамматика семантична.

2) О том, что наличие в каждой ФСК центра и периферии обуславливает полицентричность ФСП, в данном случае, ФСП темпоральности. И соответственно, предложенная в качестве центра ФСП темпоральности оппозиция глагольных времен – это лишь один из центров ФСП темпоральности. То же верно для ФСП аспектуальности: сам по себе наш глагольный вид (ГВ), в отличие от глаголов в невидовых языках, не имеет никаких формантов ни для однозначного маркирования самого вида (ср.: *тушить* – *решить*, *мокнуть* – *крикнуть*, *помалкивать* – *повыталкивать*), ни для однозначной интерпретации конкретного видового значения вне контекста. А средства контекста не случайны и формируются определенными категориями – ФСК, например: длительности, кратности и под. Как в этом ФСП работают ФСК ИТ и НТ, следует выяснить. Без этого нельзя сформулировать алгоритмы употребления ГВ для инофонов, и, значит, без этого у нас не будет (и пока нет) грамматики ГВ.

Но помимо ФСК – единиц собственно языковых, должны быть и единицы уровня речи. А.В. Бондарко выделяет единицу речевого уровня – категориальную ситуацию (КС). В нашей концепции есть термин «типовая ситуация» (ТС; «типизированное событие» в [Арутюнова 1976]), соотносимый с содержанием любого предложения, и впервые употребленный в работе 1982 г. [Всеволодова, Владимирский 2008]. Судя по всему, КС и ТС суть принципиально разные вещи. Постараемся разобраться в этих понятиях.

2. ТИПОВАЯ И КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИТУАЦИИ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ФСП И ФСК

2.1. Понятие типовой ситуации.

2.1.1. Мы «вышли» на ТС при описании именно ФСК. В ФСК именной локативности оказалось нужным выделить ТС как спектр случаев употребления ИГ в рамках од-

ного значения. Так, в рамках значения «действие субъекта из пространства с задней стороны локума (пространственный ориентир)» выделяются две группы ТС: 1) динамическое (движение) и 2) статическое действие субъекта. В группе (1) три ТС, когда движется: а) наблюдаемый объект: *Из-за дома выехал пикап*; б) локум-ориентир: *Из-за тучи появилось солнце*; в) наблюдатель: *Из-за леса показалась деревня*. В группе (2) две ТС: а) наблюдения: *Из-за кустов им хорошо была видна площадка*; б) преграды: *Из-за двери доносились голоса*. В русском языке в (2б) локум мешает восприятию изображения или звука. В польском здесь локум – только разделительная граница, и возможны выражения типа *i już zza progu powiedział* (дословно *из-за порога* сказал; ср. русск.: *и уже за порогом* сказал); *uśmiechał się zza okna* (дословно улыбался *из-за окна*; ср. русск.: *улыбался за окном* или *улыбался из окна / в окне*) [Lachur 1999]. Именную каузальность без ТС описать вообще невозможно: каждое значение в оппозиции реализуется здесь как некоторое множество ТС. ТС есть и в других категориях⁵.

2.1.2. Каждое предложение, отображая свою ТС, включает элементы разных ФСП и ФСК: *У Маши мы вчера весь вечер говорили о музыке*; 1) НТ *вчера* и ИТ *весь вечер* (темпоральность и аспектуальность), 2) локативность (*у Маши*), 3) делиберативность (*о музыке*). См. также разбор ФСП в предложении *Я хочу домой* в [Теория 1: 30].

2.1.3. ТС – это содержательный инвариант любого предложения независимо от его формального выражения, реализуемый в его денотативной структуре (ДС) [Всеволодова 2000: 199–202]. ТС и ДС формируются предикатом, входящим в один из классов семантических типов предикатов, и актантами и сирконстантами (очень рациональную концепцию классификации которых предложила Т.В. Шмелева [Шмелева 1994])⁶, то есть фактически используется ролевая грамматика. Так предложения: *Весь вечер мы говорили / проговорили о музыке* – *Весь вечер разговор шел о музыке* – *Весь вечер мы вели разговоры о музыке* – *Весь вечер у нас прошел в разговорах о музыке* – *Весь вечер мы провели в разговорах о музыке* – *Музыка в течение всего вечера была объектом нашего разговора* – *Единственной темой наших вечерних разговоров была музыка* – *Весь вечер – это разговоры о музыке*, – суть реализации одной ТС и имеют одну ДС, но различные семантические структуры, представлены разными пропозициями. ДС конкретного предложения может включать не входящие в ТС, но необходимые для ее конкретной реализации факультативные компоненты: место, время, нужные для конкретной реализации атрибуты. И ТС, и ДС, по нашим наблюдениям, суть лингвистические универсалии. Прототипическим, иконическим вариантом ТС, как правило, является в каждом языке изосемическая изоморфная конструкция, то есть конструкция, составленная изосемическими словами [Золотова 1982], где, к тому же, все словоформы занимают членопредложенческие позиции, соответствующие называемым ими ролям в ситуации (предложение *Я решаю задачу* – изосемическое изоморфное, а предложение *Мне еще решать задачу* – изосемическое неизоморфное). Мы принимаем положение Г.А. Золотовой о ядерном, или базовом предложении всего множества возможных реализаций, представленное формами настоящего времени, реальной модальности и – для предложений с субъектом-лицом – я-предложениями. Соответственно, для всех данных выше предложений базовая модель – это *Я говорю о музыке*. Иконическая реализация с изоморфной ДС моделью имеет свое типовое значение (ТЗ). ТЗ нашего предложения «субъект и его речемыслительная деятельность». ТЗ предложений типа *Маша красивая*; *Дом высокий*; – «субъект и его качественная

⁵ См.: [Котвицкая 1990; Всеволодова, Яценко 2008; Лебедева 1992; Жданова 1998; Всеволодова 2005а; 2005б; 2005в; Всеволодова, Дементьева 1997; Lachur 1999].

⁶ Эта концепция была предложена Т.В. Шмелевой еще в 70-е гг. в докладе на семинаре Е.В. Клобукова по падежной семантике. Е.В. Клобуков, записавший выступление Т.В. Шмелевой, опубликовал матрицу в [Клобуков 1986]. В [Шмелева 1994] автор несколько модифицировала эту матрицу, но в практику лингвистического анализа она вошла в своем первоначальном виде как «матрица Шмелевой-Клобукова». На исключении своего имени из названия матрицы настаивает Е.В. Клобуков. См. также [Всеволодова 2000: 139].

характеристика»; а ТЗ предложений *В Москве находятся Большой театр и Третьяковская галерея; На столе лежит книга*; – «место и его характеристика по находящемуся там предмету»; ТЗ узуальных изосемических неизоморфных предложений с облигаторным определением типа *У Маши голубые глаза; У отца плохой характер*; – «субъект и его неотторжимый соматический / эмоционально-психический признак» [Всеволодова 2000: гл. 11]. Любое исходное предложение имеет в других языках независимо от их типологии свой коррелят, пусть формально и отличный от русского, но это системные отличия. Таким образом, ТС – это содержательный инвариант всех возможных реализаций базовой модели. Вопрос о формальных вариантах и механизмах трансформации базовой модели мы здесь опускаем.

2.1.4. Аспектуальность же, т. е. выбор ГВ с ТС не пересекается: ТС отображает событие, а не его интерпретацию, а ГВ – это национально детерминированная интерпретация протекания действия во времени, отсутствующая в невидовых языках, что определяет интерпретационный характер этого ФСП [Бондарко 1983]. Аспектуальные характеристики имеют место на другом уровне представления предложения – на уровне категориальной ситуации.

2.2. Понятие категориальной ситуации

2.2.1. Понятие КС [Теория 1: 12] связано, в первую очередь, с определенными характеристиками предиката и некоторых других аспектов содержания, ср. замечание А.В. Бондарко: «Наряду с понятием КС могут быть использованы близкие к нему понятия типа “категориальная (модальная, количественная, качественная и т.п.) характеристика высказывания”» [Теория 1: 13]. Как видим, для КС важен не содержательный инвариант, а его определенные реализации. Предложения *Он прыгнул в воду* и *Все попрыгали в воду* представляют собой разные КС одной и той же ТС: *Я прыгаю в воду*. То же верно для примера аспектуальной КС [Проблемы 2005: 19]: *Догонял, да не догнал*, – речевой реализации базовой модели *Я догоняю кого-либо*. Предложения *Он решал / будет решать задачу, Мы бы решили задачу, Ты не решила задачу, Вы хотите / должны / можете решать задачу, Петру еще решать задачу, Коля начал решать задачу, Задачу, вижу, решает Зоя*; – суть грамматические (объективная модальность, время, лицо), структурно-семантические (отрицательная, внутрисинтаксическая модальность, фазисная, авторизационная) модификации и их контаминации базовой модели *Я решаю задачу* в синтаксическом поле предложения [Золотова 1982], или в синтаксической парадигме предложения [Всеволодова 2000: 212, 216]. Залоговые варианты *Задача решалась / Задача решена (Петром)*, обобщенно / неопределенно личные *Задачу решили* (категория персональности в [Теория 3]), *Эту задачу не решишь / (ему) не решить*, – синтаксическое выражение внутрисинтаксической модальности – тоже отдельные КС – суть реализации базовой модели *Я решаю задачу* со своими ТЗ. Так предложения *Задачу не решили; В дом не входили; Мне об этом сказали* имеют ТЗ «другой (помимо субъекта) участник ситуации и направленное на него действие не названного субъекта» [Всеволодова 2000: 121–153, 234–268]. Понятие КС, судя по ТФГ, хорошо «работает». Вместе с тем, думается, здесь не все еще однозначно.

2.2.2. ТС формируется денотативными ролями, способ идентификации которых достаточно строго определен. Какими единицами формируется КС? Это может быть и ГВ, и тип модальности (категории разного уровня), и способ выражения персональности, но и «качественные и количественные характеристики предложения». КС могут быть разных уровней.

Примечание. Так, в [Изотов 2007] в рамках императивности (побудительности; а это, очевидно, КС) выделяются 4 «более конкретных» КС: 1) Прескриптор (автор) побуждения равен говорящему, агенс равен слушающему (адресату) типа: *Уходи!* 2) Прескриптор одновременно входит в состав адресата типа *Уйдем / Уйдемте отсюда!*, 3) Адресат не является агенсом действия («побуждение третьего лица») типа *Пусть он уйдет!* и 4) Прескриптор не является говорящим – «опосредованная перформативность» *Петр Иванович просит вас уй-*

ти. Возможны, думается, и такие КС, как 5) «Прескриптор помимо говорящего включает и другие лица, не участвующие в факте сообщения»: *Мы с Петром Ивановичем просим вас уйти* (пример А.И. Изотова); и 6) Адресат помимо слушающего включает и другое лицо / другие лица, не участвующие в факте сообщения: *Ты / Вы и Иван уходите!* Эти КС дают интересную дихотомическую СЗ императивности (побудительности), что говорит о категориальном статусе данной единицы. В основу оппозиций здесь прекрасно ложится концепция Р. Якобсона [Якобсон 1972] о разделении высказывания на сообщаемый факт и факт сообщения. Соответственно налицо два подмножества, противопоставленные по признаку совпадения / несовпадения участников обоих фактов: (1.1) участники сообщаемого факта идентичны участникам факта сообщения; (1.2) один из участников / оба участника сообщаемого факта не участвуют в факте сообщения. Следующий ранг разбиения для подмножества (1.1) выделяет значения на основе оппозиции эксклюзивности (исключения) / инклюзивности (включения) неучастников факта сообщения в сообщаемый факт, соответственно (1.1.1) участники факта сообщения и сообщаемого факта полностью идентичны, эксклюзивное значение типа: *Уходи!, Уходите!;* (1.1.2) Сообщаемый факт включает дополнительных участников действия, адресованного агенсу, что представлено оппозицией по характеру включаемого в состав агенса участника ситуации, это может быть: (1.1.2.1) сам говорящий – *Уйдем / Уйдемте отсюда!* vs. (1.1.2.2) третье лицо – *Ты и Иван уходите!; Вы с Иваном уходите!* Для (1.2) оппозиция строится на эксклюзивности / инклюзивности неучастников сообщаемого факта в факт сообщения: (1.2.1) не включен один участник vs. (1.2.2) – не включены оба участника: *Передайте Ивану, что Петр Иванович просит его уйти;* Для (1.2.1) реализуется оппозиция (1.2.1.1) неучастник-агенс *Пусть он уйдет!* И (1.2.1.2) – неучастник-прескриптор, что может реализоваться в двух значениях: (1.2.1.2.1) Один из прескрипторов не участвует в факте сообщения: *Мы с Петром Ивановичем просим вас уйти* (1.2.1.2.2) Прескриптор вообще не участвует в факте сообщения (прескриптор и говорящий – разные лица): *Петр Иванович просит вас уйти.* Кстати, именно в этих двух случаях «жанр» побудительности, (ссемантико-прагматические интерпретации – в терминах автора), вербализуется, и, как представляется, есть следующий ранг разбиения: *Петр Иванович просит вас подождать* vs. *Директор велит вам ждать* и пр. И эта дихотомия может быть усложнена: *Петр Иванович просит вас и Олега уйти;* *Мы с Петром Ивановичем просим вас и Олега уйти;* – но и эти оппозиции не нарушат приведенную выше дихотомию. Исследование А.И. Изотова, проведенное на материале чешского языка «в зеркале русского», показывает, что понятие КС – лингвистическая универсалия. Но критерии выделения КС здесь пересекаются с ролевой грамматикой, и это некое новое для нас пересечение уровней. С другой стороны, побуждение всегда исходит от лица – прескриптора (думается, что это одна из ролей авторизатора) и, следовательно, здесь категория внутрисинтаксической модальности контаминирует с категорией авторизации. И та, и другая суть структурно-семантические модификации Г.А. Золотовой, но категория авторизации в теории ФСП пока не выделяется.

Нужно четкое и формализованное представление критериев выделения самой КС и ее единиц. Это проблема создания грамматического аппарата, которого пока нет.

2.3. Вывод. Понятия ТС и КС отражают разные уровни высказывания и разные его аспекты: содержательный инвариант (ТС) и различные его реализации (КС), с содержанием жестко не связанные. КС и ее «многоступенчатую содержательную вариативность, сопряженную с вариативностью средств формального выражения» [Тсория 1: 13], нужно представить как явление грамматическое. Может быть, это элементы синтаксического поля предложения Г.А. Золотовой? К КС мы еще вернемся. Но важен вопрос о классификации и самих ФСП.

3. ТИПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ И ОСНОВАНИЯ ИХ ГРУППИРОВКИ

3.1. Разумеется, категория ФСП не может являть собой неструктурированное множество, члены которого перечисляются в произвольном порядке. Напомним дефиницию ФСП, которую мы в основных ее положениях принимаем: «ФСП – это базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и “строевых” лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств языка, взаимодействующих на основе общности их семан-

тических функций. Каждое поле включает систему (а не набор через запятую! – М.В.) типов, разновидностей и вариантов определенной семантической категории, соотношенную с разнообразными формальными средствами их выражения. ФСП – единства билатеральные, они имеют не только план содержания, но и план выражения» [Теория 1: 11.] (Реплику о лексике в ФСП см. выше.) Наши замечания сводятся к пока лишь начально намеченным положениям, требующим и большей систематизации, и, возможно, более глубокой аргументации.

1) Представляется незаслуженно «забытым» в [Теория 1] предложенное ранее [Бондарко 1983] разделение ФСП на поля отражательные (возможно, точнее, исходя из концепции В.Н. Мигирова [Мигирин 1973] «отображательные»), или онтологические, и интерпретационные, или семасиологические. Так, ФСП темпоральности и локативности, бытийности и посессивности, качественности и количественности несомненно суть отображательные, а ФСП аспектуальности, определенности / неопределенности – интерпретационные. И хотя интерпретационные категории тоже строятся на базе осмысления явлений действительности, а отображательные тоже несут элементы национальной интерпретации, но, тем не менее, «что-то» здесь есть. Разделение в [Теория 1: 34] на моно- и полицентрические, во-первых, носит собственно структурный характер и относится к обоим типам полей, а во-вторых, – если принять наше положение о ФСК, все ФСП изначально полицентричны (в отличие, например, от грамматических полей, см. ниже). И возможно, первой должна быть оппозиция отображательных vs. интерпретационных полей (без обращения к понятиям «онтологический» – «семасиологический»).

2) Но уже в классе отображательных полей есть оппозиция онтологические vs. семасиологические поля. Так, ФСП каузальности больше, нежели локативность, темпоральность и другие отношения, связано с семасиологическим уровнем, поскольку включает, кроме основных двух (порождающего и порождаемого) событий (собственно денотативный уровень), дополнительную – логическую – пропозицию, заключение говорящего об их связи, например, дождей и наводнения, гепатита С и смерти экспериментера – носителя состояния, что позволяет объединить в следственной компоненте разные ТС. Так, разные ТС: 1) *Я дал книгу Маше* – ТС передачи субъектом (донатором) материального объекта (донатива) получателю; 2) *Я стал учителем* – ТС (фазисная модификация) с ТЗ «субъект и его квалификативный признак (ср.: *Я – учитель*), 3) *Я пошел в музей* – ТС с ТЗ «субъект и его перемещение в конечный пункт», объединяются в одной общей ТС «осознанное действие субъекта, каузированное активным / пассивным волеизъявлением другого лица»: *По совету / С согласия отца я дал книгу Маше / стал учителем / пошел в музей* [Всеволодова, Яценко 2008]. То есть, в отличие от ФСП времени это семасиологическое ФСП. Очевидно, те же ранги есть и в интерпретационных полях.

3) Нужна более четкая и операционально аргументированная языковыми фактами категоризация всех находящихся к настоящему времени «в работе» ФСП. Нельзя, повторим, не согласиться с мыслью А.В. Бондарко о разной степени обобщенности СК, а значит, и ФСП. Эта мысль убедительно иллюстрирована в [Теория 1: 29–31]. Конструктивно положение об иерархии в разрядах СК и ФСП, обусловленной различной степенью обобщенности СК. Названные как наиболее общие категории времени, залоговости (?) и обусловленности, думается, не исчерпывают всех СК «высшего уровня». Но составляющие их более частные категории, например, аспектуальность, как одна из компонент СК времени, включает в себя еще более частные категории лимитивности, длительности, кратности, фазовости. Налицо минимум три уровня обобщенности. Но и каждая из этих категорий имеет свои оппозиции и, значит, структурирована.

Залоговость же, с нашей точки зрения, трудно поставить «на одну полку» и с модальностью, и с временем и с обусловленностью. Внутрисинтаксическая модальность: *хотеть, мочь, быть должным, возможность, обязанность* – это дополнительная пропозиция, это часть более общей СК состояния в рамках ФСП состояния (см. опять

же адекватный анализ предложения *Я хочу домой* в [Теория 1: 30]). Залог же – одна из коммуникативных реализаций основной ТС и часть грамматической категории конвертируемости в ряду собственно синтаксических категорий. Это изменение направления отношений между участниками одной ситуации [Ломтев 1973]. Категория конвертируемости может выражаться лексически (лексические конверсивы [Апресян 1974]), ср.: *Земля больше Луны – Луна меньше Земли; Иван продал мне машину – Я купил у Ивана машину* (но не: *Я покупаю и продаю машины*, где это просто антонимы), *Иван – брат Анны и Анна – сестра Ивана*; синтаксически ср.: *В реке кишит рыба и Река кишит рыбой; Я восхищаюсь стихами Пушкина и Меня восхищают стихи Пушкина; В Таганроге родился Чехов и Таганрог – родина Чехова; Она в тоске и У нее тоска*. Синтаксический смысл конвертирования в том, что имя участника ситуации, занимающее в базовом предложении любую позицию кроме подлежащего, повышается до подлежащего, а «базовое» подлежащее снижает свой ранг. Действительный и страдательный обороты – центр этой категории. Нашим моделям *Задачу решили* и *Мне об этом сказали* (с ТЗ «другой участник ситуации и направленное на него действие неназванного субъекта») и *Задача решена* (с нуль-формой имени агенса и с ТЗ «объект и его состояние как результат действий субъекта» [Золотова 1982], – реализация, невозможная в русском языке для второго предложения) во многих языках с грамматикализованным порядком слов (английском, китайском) соответствует один страдательный оборот типа *Задача решена*, ср. англ. *I am told about it*, досл. 'Я сказан об этом'. В монгольском и венгерском страдательных оборотов нет вообще. Но ТС с соответствующим «базовым» денотативным содержанием есть. Категорию залога следует определить как центр категории конвертируемости [Ломтев 1973; Всеволодова 2000: 452]. Категорию залога реализуют не участники ситуации, не субъект и объект, а подлежащее и дополнение, ср.: *Археологи раскапывают курган – Археологами раскапывается курган*; и структуру типа *Археологи ведут раскопку кургана – Археологами ведется раскопка кургана*, где объектом остался курган. Или: *Эти семьи связывала многолетняя дружба – Эти семьи были связаны многолетней дружбой; ◀ Эти семьи много лет дружили*. Категории залоговости и ей подобным нужно найти свое место, определить их статус в категории поля. Конвертируемость – не ФСП, а другой тип полей. Важно, что страдательное причастие или *-ся*-форма глагола не обуславливает принадлежности структуры к страдательному залогу или к конверсивам вообще, ср.: *Глаза широко расставлены, уши прижаты; Он влюблен; Он женат; Я умыт, одет и причесан / Я умылся, оделся, причесался ≠ Меня умыли, одели и причесали*; но модели типа *Она одевается у хорошего мастера (◀ Ее одевает хороший мастер); Роднина тренировалась у Жука (◀ Роднину тренировал Жук)*; – варианты пассивных конструкций, где творительный субъекта заменен у-локализатором [Арутюнова 1976].

Но тонкий и очень разносторонний анализ залоговости, данный в [Теория 3], показывает:

1) Категория залога связана не только с заменой имени в позиции подлежащего, но и с «деподлежащностью» имени субъекта вообще, ср.: *Я думаю, что... и Мне думается, что...* [Теория 3: 177], где имя субъекта переведено из подлежащего в дополнение.

2) Смысл этой категории принципиально иной, нежели у категорий времени и качества: это всегда ракурс подачи ситуации, связанный с решением коммуникативных задач говорящего. И значит, это принципиально иной тип поля, нежели названные ФСП.

Примечание. Категория залога может выступать в конъюнкции с другими категориями, в частности, с категорией внутрисинтаксической модальности. В русском языке для выражения этой комбинации смыслов есть специальные конструкции с дательным субъекта и возвратной формой $V_{3s/n}$ глагола типа *Мне не спится, Ему хорошо работается*. Восприятие этих структур инофонами часто бывает неадекватным. На уроке русского языка американец, прочитав текст, в котором был такой диалог мужа и жены: – *Ты не спишь?* – *Не сплю.* –

Почему? – Мне не спится; – возмутился: – Но ведь он ничего не объяснил, он просто сказал то же самое в другой форме. Вместе с тем, для каждого русского «Мне не спится» – это ‘Я не могу заснуть’.

3.2. Можно ли говорить о ФСП того или иного падежа [Лутин 2007: 103–105] или о ФСП грамматического рода? Коллега из Афганистана рассказывал, что когда он в свое время на уроке русского языка в афганской школе говорил, что слово «стол» муж. рода, а слово «книга» жен. рода, ученики спрашивали его, откуда он это знает. По словам итальянской коллеги, ее ученики спрашивают, почему для нас гендерные характеристики так важны, что мы согласуем глагол и прилагательное даже с неодушевленными существительными. Судя по этим вопросам, категория пола – если она в языке есть – категория отображательная, а категория грамматического рода, возможно, носит уже другой характер, хотя ее связь с категорией пола прозрачна [Клобуков и др. 1997: 235; Клобуков 2000а: 31–32], (ср. другую точку зрения в [Савельева 2006]) в том числе и для средн. рода, маркировавшего социально «неполноценные» особи, ср. наличие форм мн. числа типа *девчата, котята, телята* (*Ласковое теля двух маток сосет*; средн. род в польском *dziewczę, kocie, cielę*; *das Mädchen* в немецком).

Использование рода в художественном тексте как средства выражения отношений между полами: *но нельзя рябине к дубу перебраться; тетя лужа – дядя лед, голубок и горлица никогда не ссорятся*⁷ и др., – возможно именно благодаря наличию этой грамматической категории. Эти тексты непонятны носителю «безродового» языка. Но англичанин при прономинализации слова *корабль* использует местоимение жен. рода *she*, хотя категории рода в английском нет. А в китайском *он* и *она* – одно слово, хотя есть категории «инь» и «ян».

Примечание. Категория пола связана с категорией одушевленности / неодушевленности, которая в разных славянских языках реализуется по-своему; напомним о ее более узкой трактовке как категории лица (но не одушевленности) в чешском языке, где имена животных склоняются во мн. числе как имена неодушевленные, и о еще более узкой лично-мужской категории и более широкой женско-вещной категории (в формах мн. числа) в польском языке, где эта категория распространяется и на глагольные формы прош. вр., и на определения, ср.: *nasi studenci czytali – nasze studentki czytały* (ср. русск. *наши студенты / наши студентки читали*); ср. также: *widział studentów* (мн.число вин. = род.) – *widział studentki* (мн. число, вин. = им.); и даже на количественно-именные группы при выражении субъекта, ср.: *Dwie studentki czytały – Dwóch studentów czytało / Dwaj studenci czytali* (букв.: *две студентки читали* – *двух студентов читало / Два студента читали*). Но все это собственно морфологические маркеры. Вместе с тем, в русском и польском языках на синтаксическом уровне выявляются оппозиции, не отмеченные в грамматиках. Как известно, лицо в русском языке как морфологическая категория не выделяется. Вместе с тем, модель с V_{3pl} возможна только для субъекта-лица (в нулевой форме): *В дверь постучали; Его ударили; Дорогу завалили*; ср. неотмеченность: **Во дворе залаяли; *За стеной мяукали*. То же верно для польских моделей типа *Drogę zawałono, Rzekę zagrodzono* (реку запрудили)⁸. Модель с V_{3sn} «обслуживает» неодушевленные субъекты: предмет и стихию: *Дорогу завалило / Дорогу завалило снегом; Его ударило током / дверью; Во время грозы сорвало крышу*. Субъект-зооним всегда должен быть назван, даже если глагол однозначно передает его характер: *Во дворе залаяли собаки; В хлеву мычали коровы*. То же в польском. Ср. ошибку русиста-неславянина в докладе на международном конгрессе: **Его придавило упавшим с дерева медведем*; при правильном *Его придавило упавшей с дерева тушей медведя / Его придавил упавший медведь* (А откуда ему знать? В грамматиках об этом не пишут). Как видим, на уровне синтаксиса тоже есть оппозиция одушевленности / неодушевленности, а в рамках одушевленно-

⁷ Такие явления как системные были отмечены и скрупулезно описаны в дипломе С.Г. Мамечкова (филологический факультет МГУ) «Функционально-семантическое поле биологического пола в современном русском языке» (2007 г., руководитель Е.В. Клобуков).

⁸ Я благодарю коллегу доктора филологических наук Чеслава Ляхура (Университет в г. Ополе, Польша) за совместную работу над этими категориями.

сти выявляется оппозиция «антропоним» vs. «зооним». Таким образом, категория грамматического рода выводит нас на ряд закономерностей, требующих дополнительного осмысления.

3.3. В основу классификации ФСП [Бондарко 1983] положена фактически частеречная принадлежность ядерных слов, что позволяет выделить группировки: 1) с акциональным (предикативным), а фактически – с глагольным ядром; 2) с предметным (субъектно-объектным), т.е. именным ядром, 3) с качественнo-количественным ядром (прилагательные и числительные); 4) с обстоятельственным (наречия и словоформы существительных).

Мы разделяем несогласие с этим принципом в [Клобуков 1993; Кубрякова, Клобуков 1998]. Если в основе ФСП лежит СК, причем здесь части речи? В одном поле системно сотрудничают разные уровни языка, разные части речи. См. слова А.В. Бондарко: «Второй "сильный" системный признак ФСП – отсутствие ограничений в отношении характера и типа охватываемых данным полем формальных средств, т.е., формальная неограниченность» [Теория 1: 38]. Выскажем несколько замечаний, обращаясь в первую очередь к [Бондарко 1983], где группировки даны конкретнее, чем в [Теория 1]. Для краткости рассмотрим только первую группировку – поля с глагольным, или предикативным ядром.

Не очень ясен термин «предикативное» ядро. И предикативность (категория предложения), и предикат (признак субъекта) свойственны и безглагольным предложениям. Предикат – не всегда глагол, а глагол – это не всегда акциональность. ФСП этой группы, с одной стороны, не охватывают все типы предикатов, с другой – аспектуальность (ГВ) формально и обязательно охватывает все глаголы и только глаголы, независимо от их значения, что говорит о принципиально ином характере этого ФСП, нежели, например, темпоральность или локативность, при том, что аспектуальные различия передаются с помощью контекстуальных «добавок» к одной форме глагола: *сейчас / в данный момент спит – обычно / ночами спит; вчера / в среду приходил – часто / по средам приходил*; и пр.; разные видo-временные формы могут выражать одно денотативное содержание: *В июне 1941 года Германия нападает / напала на Советский союз; Я уже сказал / говорил о них*; тогда как время передается разными ФСК. В этой группировке выделены комплексы:

1. Аспектуально-темпоральные отношения с ФСП аспектуальности, темпоральности (глагольной) и таксиса. Этот комплекс охватывает все и только глагольные предикаты. Думается, перечислять в одном ряду с ним все другие комплексы этой группировки некорректно. Он является средством реализации глагольных предложений.

2. ФСП модально-бытийных отношений. Объединение мало понятное. Это модификации синтаксического поля предложения Г.А. Золотовой, 1) модальные: а) объективная модальность: *читал – читал бы* (грамматическая модификация), но и: *был бы здоров, был бы хороший, было бы тепло, был бы врачом* и пр. и б) внутрисинтаксическая модальность: *должен / хочет / может читать*, но и: *может быть красивым, хочет быть врачом, возможен дождь* и пр. (структурно-семантическая модификация); 2) утвердительность / отрицательность (структурно-семантическая модификация): *читал / не читал*; но и: *есть книга – нет книги, он красив / некрасив, Это он / не он* и пр.; 3) повествовательность / вопросительность (структурно-семантическая модификация в синтаксической парадигме [Всеволодова 2000]): *Куда ты сядешь? Пришел ли он?*, но и: *Красива ли она? Здоров ли он? Это дом?* Короче, это системные реализации любых типов предложений независимо от содержания. Не КС ли это? Если КС А.В. Бондарко и модификации Г.А. Золотовой – это что-то близкое, то, может, подумаем об «общем знаменателе»? 4) бытийность: *Хлеб есть. Змей в лесу нет. Снежный человек существует*. Но это денотативный уровень, это ТС, реализации которых имеют все названные выше

модификации [Всеволодова 2000: 234–239]. И в чем отличие от модально-бытийного ФСП?

3. ФСП акционально-субъектных и акционально-объектных отношений с категориями залоговости: *школу строят / школа строится*; переходности / непереходности: *дети рисуют цветы / дети бегают*, рефлексивности: *мыться, чувствовать себя*; взаимности: *ссориться, помогать друг другу*. О категории залога см. выше.

Примечание. Переходность / непереходность – грамматическое свойство глагола, определяемое характером его лексемы независимо от значения и выражаемых отношений. Это не только акциональность, но и состояние: *чувствовать боль – болеть*; признак, свойство: *пропускать свет – линять*; реляционные отношения: *поддержать друга – помочь другу*; бытийность: *населять тундру – обитать в тундре*. Глаголы, близкие по значению, могут различаться по этому признаку: *сообщать кому – информировать кого; заботиться о ком – опекать кого* и пр. См. также, системность вин. п. названий лиц при возвратных глаголах, ср. слова 1-го склонения, где вин. п. отличен от р. п.: *слушаться маму, бояться тетю*. Продуктивны дескрипции с глагольным компонентом, соотносимые с одним производящим словом; это могут быть как переходные глаголы *вести работу* ◀ *работать*, *совершить пробежку* ◀ *пробежаться*, так и не переходные: *заниматься покраской (забора)* ◀ *красить (забор)* [Всеволодова, Кузьменкова 2003]. Один глагол в разных языках может различаться по этому признаку, ср. русск. *ждать сестру* и польск. *czekać na siostrę*. Возможно, это поле, но вряд ли ФСП. В беспадежных языках трудно говорить о переходности / непереходности, когда пассив может иметь вид *I am told about it*. Категория переходности, возможно, свойство падежных языков, имеющих возвратные глаголы. В немецком, как и в русском нет модели типа *Я сказан об этом*, а используется близкая к нашему неопределенно-личная *man sagt*.

Рефлексивность и взаимность – категории, не проработанные в грамматике. Форманты *-ся, себя* – не всегда рефлексивность: *гордиться, любоваться* – кем-чем; *стараться, стремиться, трудиться, бороться* (ср. польск. *walczyć*), *смеяться*, но *плакать и плакаться кому в жилетку* и мн. др. Где рефлексивность? По этому признаку различаются и видовые пары: *становиться и стать* (и куда, и кем), и способы глагольного действия: *заплакать, зашуметь – расплакаться, расшуметься; доиграться, дозвониться*. Ср. выше: *мне не спится, не сидится, хорошо работается*. Во многих языках возвратных глаголов нет вообще.

4. Замыкает эти комплексы поле состояния: *мне плохо, страна на подъеме*. Это, как и бытийность, самостоятельное поле с комплексом ТС. И наличие этих комплексов ТС – бытийности и состояния – в одном ряду с перечисленными выше, скорее вариантами грамматических реализаций, тоже не очень понятно. Основания такого включения нужно было бы сформулировать и операционально аргументировать.

То же можно сказать и о субъектно-объектных и обстоятельственных группировках. Обстоятельная группировка объединяет наречные и именные словоформы. Это комплекс полей с общим значением обусловленности, локативности и времени (отсутствующий в этой группировке в ТФГ) и поле сравнения. Но для полей обусловленности прототипическим является СП, а обстоятельный компонент – это трансформ, возможный не всегда, ср.: *Я взял журнал, так как мне стало скучно / от скуки* и: *Я взял журнал, так как мне надоело сидеть без дела*; – где ИПГ не образуется. Ср. также предложения с реляторами типа *Шторм помешал кораблям выйти в море*. То есть, это не собственно обстоятельное ФСП. Сравнение же – компонент качественно-количественной группировки. Куда деть обстоятельства образа действия типа *Мальчик бегло читает; Он с трудом ходит*, – характеризующие действие и коррелирующие с прилагательными, ср.: *У мальчика беглое чтение?* В группировках их нет. Корректна, по-моему, качественно-количественная группировка.

3.4. А.В. Бондарко очень уместно, как нам кажется, обращается и к понятию психологических концептов акциональности (действия, деятельности), процессности (состо-

яния), реляционности (отношений) и характеристики (атрибутивности, признаковости). Эти концепты (как категориальные, а не понятийные) используются в когнитивистике, психологии, психолингвистике и в конкретных лингвистических исследованиях [Воробьева 2005].

Теорию эту независимо друг от друга и в разных формах предложили Т.В. Шмелева (см. выше) и Е.С. Кубрякова. В матрице предикатов [Клобуков 1986; Шмелева 1994] по горизонтали выделялись четыре типа: акциональные (действие), статальные (состояние), реляционные (отношение) и характеристики (признак); а по вертикали – сферы их проявления: физическая, физиологическая, эмоционально-психическая, интеллектуально-творческая и социальная. Позднее Е.С. Кубрякова предложила идею концептов – основных понятийных категорий, с теми же четырьмя концептами: действие, процесс (так названо состояние, с нашей точки зрения, не совсем удачно, ср.: *быть в состоянии шока* и **быть в процессе шока*; *дом в аварийном состоянии* и **дом в аварийном процессе*), отношения, характеристика [Кубрякова и др. 1996; Кубрякова 2004]. Ясно: типы предикатов и концептов совпадают, поскольку предикаты однозначно структурируются в рамках концептов.

Практическое использование матрицы Т.В. Шмелевой и концепция Н.Д. Арутюновой о бытийных предложениях (логический тип) [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1981] показали необходимость выделить в отдельный тип (из класса отношений) бытийные предикаты (вкупе с предикатами местонахождения: концепт еще не связан с движением мысли, это денотативный уровень). В такой модификации эта матрица представлена в [Всеволодова 2000: 139]. Но ни в одном из этих вариантов нет места для категории времени. Нет места для нее и в группировках А.В. Бондарко. Думается, что понятийная категория времени имеет право быть самостоятельным концептом. И тогда набор основных концептов (понятийных для Языка и СК для конкретных языков) таков: бытийность – время – действие / событие – состояние – отношения – характеристика. «Сферы проявления» предикатов соотносимы и с концептами. Структуру концептов представим в матрице.

Матрица концептов – основных логических (понятийных) категорий

Сферы проявления концептов	Концепты					
	Бытийность	Время	Действие	Состояние	Отношения	Характеризация
	Физическая					
	Физиологическая (Биологическая)					
	Эмоционально-психическая					
	Интеллектуально-творческая					
	Социальная					
	Духовная					

Анализ языковых единиц разных уровней подтвердил корректность этой матрицы и ее фундаментальный характер. Нельзя ли на ее основе организовать ФСП? Это универсальные общечеловеческие мыслительные концепты, где и образуются семантические категории и ФСП. Так, количественно-качественная группировка ФСП А.В. Бондарко – это как раз концепт характеристики (туда же входит и ряд других отношений [Всеволодова 2000:261]).

Примечание. Точно охарактеризована в [Теория 5: 163] зона пересечения ФСП количественности и качественности: «Категория количественности соотносима также с категорией компаративности. Это вытекает из общенаучного определения количества как отражения сравнения и из понимания интенсивности как выражения количества (степени) признака». Это МП градуальности с ядром – компаративами, называющими количественное расхождение одного признака у компаратов: *Маша на 5 см выше Оли*, (пересечение с концептом отношений). Но и глаголы: *Он мчится* и *Он едва плетется* (ср. темповое значение в НТ), вместе с моделями типа *Мальчик бегло читает*; *Маша хорошо поет* образующие зону пересечения акционального и характеризационного концептов. Это МП, как полагают [Березницкая 2004], включает ряд ФСП.

Обусловленность, сравнение – это группировка реляционных предикатов. Вероятно, пора дать более строго организованную и более формализованную систему наших единиц.

4. ВОЗМОЖНЫЕ ТИПЫ ПОЛЕЙ

В сфере нашего внимания последнее время закономерно находятся именно ФСП. Но в свое время Трир говорил о **лексических** полях. В [Всеволодова 2000: 269–288] представлено поле ТЗ биноминативных предложений, где переход от центра к периферии обусловлен типом соотнесенности инварианта содержания и его синтаксической «упаковки» от *Маша – студентка* до *Дожди – это наводнение*. Это поле иного, нежели ФСП, типа. Сейчас на филологическом факультете МГУ вместе с коллегами из Белоруссии, Украины, Болгарии, Польши и Сербии осуществляется проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис»⁹. Объект – предлоги и их эквиваленты. Предлоги выявили ярко выраженную полевую структуру, обусловленную дихотомической системой их морфосинтаксических типов. Оба поля – **функционально-грамматические**. Вероятно, и категория падежности [Бондарко 1976; Клобуков 1998; Лутин 2005; 2007], как и члены предложения, и залоговость должны войти в этот тип полей. КС обращения, приветствия, просьбы и под. – это разряд **функционально-прагматических** полей, см., например [Сучкова 2005; Изотов 2007] и др. Категория актуального членения, как и предложенческие модусы (о текстовых и предложенческих модусах [Всеволодова 2000: 312 и сл.]), думается, формируют **функционально-коммуникативные** поля (о коммуникативном уровне [Безяева 2002]).

Поля разных типов пересекаются между собой. Так, побудительность, (компонент ФСП модальности), входит и в разряд функционально-прагматических полей: на определенном уровне в дихотомию значений побудительности включаются интерпретации типа «приказ», «разрешение», «совет» и под. [Изотов 2007]. Можно предполагать, что в силу единства Языка и другие языковые категории выявят свою полевую устроенность, что поле – это одна, возможно, главная, строевая единица языка; и что полевая устроенность Языка есть проявление единства устроенности мироздания. Язык – составляющая ноосферы и на этих правах наряду с физическими сферами и биосферой входит в систему мироздания. Но с полем в нем неразрывно связаны категории – способ объективации результатов познания мира человеческим сознанием.

⁹ В 2002–2003 гг. проект «Восточнославянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» поддерживал РФФИ грант 02-06-80435-а; В 2004–2005 гг. работа поддержана совместным российско-белорусским грантом. С российской стороны это грант РГНФ № 04-04-78403а/Б. В 2007–2009 гг. этап проекта «Грамматика русского предлога: выявление состава предложных единиц, их категоризация и системное описание их функционально-коммуникативных свойств» поддерживает РФФИ, грант 07-06-00343.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиантова и др. 2001 – Э.И. Амиантова, Г.А. Битехтина, М.В. Всеволодова, Л.П. Клобукова. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6.
- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова, Ширяев 1981 – Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1981.
- Аскин 1966 – Я.Ф. Аскин. Проблема времени. Ее философское осмысление. М., 1966.
- Безяева 2002 – М.Г. Безяева. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
- Беленькая 1994 – О.В. Беленькая. Модели простых предложений с глагольными причинными реляторами: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Брезницкая 2004 – П.П. Брезницкая. Типология и структура градуальных полей в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
- Бондарко 1967 – А.В. Бондарко. К проблеме функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // ВЯ. 1967. № 2.
- Бондарко 1969 – А.В. Бондарко. К функциональному анализу элементов разных языковых уровней // Единицы разных уровней грамматической системы языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Бондарко 1971а – А.В. Бондарко. Вид и время русского глагола. Л., 1971.
- Бондарко 1971б – А.В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко 1972 – А.В. Бондарко. К теории поля в грамматике. Залог и залоговость // ВЯ. 1972. № 3.
- Бондарко 1976 – А.В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко 1983 – А.В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Ван Янчжен 1996 – Ван Янчжен. Предложение: содержание, форма и парадигмы (на материале предложений с глаголами эмоционального состояния и отношения). Пекин, 1996.
- Воробьева 2005 – Г.К. Воробьева. Онтологическая теория несвободной глагольно-именной сочетаемости слов русского языка. Лингвокогнитивные и культурологические аспекты. М., 2005.
- Всеволодова 1975 – М.В. Всеволодова. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
- Всеволодова 1983 – М.В. Всеволодова. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевых реализаций: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1983.
- Всеволодова 2000 – М.В. Всеволодова. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Всеволодова 2005а – М.В. Всеволодова. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 1. Статья 1.
- Всеволодова 2005б – М.В. Всеволодова. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 2. Статья 2.
- Всеволодова 2005в – М.В. Всеволодова. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 3. Статья 3.
- Всеволодова, Владимирский 2008 – М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 2008.
- Всеволодова, Го Шуфень 1999 – М.В. Всеволодова, Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999.
- Всеволодова, Дементьева 1997 – М.В. Всеволодова, О.Ю. Дементьева. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997.
- Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008 – М.В. Всеволодова, Ким Тэ Чжин. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). М., 2008.

- Всеволодова, Котвицкая 1999 – *М.В. Всеволодова, Э.С. Котвицкая*. О подлежащем и категории причинности в русском языке (К вопросу о русском языковом сознании в концепции А. Вежбицкой) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 5.
- Всеволодова, Кузьменкова 2003 – *М.В. Всеволодова, В.А. Кузьменкова*. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2003. № 5.
- Всеволодова, Яценко 2008 – *М.В. Всеволодова, Т.А. Яценко*. Причинно-следственные конструкции в современном русском языке. М., 2008.
- Гулыга, Шендельс 1969 – *Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс*. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
- Дешериева 1975 – *Т.Н. Дешериева*. Лингвистический аспект категории времени и его отношение к физическому и философскому аспектам // ВЯ. 1975. № 2.
- Дулина 2008 – *А.Н. Дулина*. Простые предложения с временными реляторами (Дип. работа. МГУ. 2008).
- Жданова 1998 – *В.В. Жданова*. Простые предложения с именной причинной группой, выражающие причинно-следственные отношения в мире неживой природы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Золотова 1982 – *Г.А. Золотова*. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Изотов 2007 – *А.И. Изотов*. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагматингвистический феномен: Авторсф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2007.
- Клобуков 1986 – *Е.В. Клобуков*. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986.
- Клобуков 1993 – *Е.В. Клобуков*. Система семантических противопоставлений в морфологии (семасиологический и ономасиологический аспекты) // Семантика языковых единиц. Матлы 3-й межвузовской научно-исслед. конф. Ч. II. М., 1993.
- Клобуков 1998 – *Е.В. Клобуков*. Морфологическая категория падежа в контексте коммуникативной грамматики // Семантика языковых единиц. Докл. VI Междунар. конф. Т. I. М., 1998.
- Клобуков 2000а – *Е.В. Клобуков*. К установлению уровней языковой категоризации // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова / Вопросы русского языкознания. Вып. VIII. М., 2000.
- Клобуков 2000б – *Е.В. Клобуков*. Семантическая категория падежности в системе функциональной грамматики русского языка* // Глава в коллективной монографии «Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании» / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 2000.
- Клобуков 2001 – *Е.В. Клобуков*. Уровни категоризации и строение системы семантических категорий (из наблюдений над концептуальной базой функциональной грамматики) // Теоретические проблемы функциональной грамматики. Материалы Всероссийской науч. конф. СПб., 2001.
- Клобуков и др. 1997 – *Е.В. Клобуков, Г.И. Рожкова, Г.А. Битехтина, Л.С. Муравьева, М.В. Всеволодова*. Функциональная морфология // Русский язык и его история. Программы кафедры русского языка для студентов филол. фак-тов гос. университетов. М., 1997.
- Котвицкая 1990 – *Э.С. Котвицкая*. Типовая ситуация, отражающая причинно-следственные отношения как содержательная единица языка (и ее речевые реализации): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Крючкова 1979 – *М.Л. Крючкова*. Особенности немотивированного глагольного управления в современном русском языке. М., 1979.
- Кубрякова 1997 – *Е.С. Кубрякова*. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова 2004 – *Е.С. Кубрякова*. Язык и знание. М., 2004.
- Кубрякова и др. 1996 – *Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина*. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кубрякова, Клобуков 1998 – *Е.С. Кубрякова, Е.В. Клобуков*. Рец. на кн. «Теория функциональной грамматики». Л.; СПб., 1987–1996 // ИАН СЛЯ. 1998. № 5.
- Ломтев 1956 – *Т.П. Ломтев*. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
- Ломтев 1973 – *Т.П. Ломтев*. Предложение и его грамматические категории. М., 1973.
- Ломтев 1979 – *Т.П. Ломтев*. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.
- Лебедева 1992 – *Е.К. Лебедева*. Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

- Лебедева 2005 – *Е.К. Лебедева*. Принципы функционально-коммуникативной грамматики и проблемы категории причинных отношений в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 3.
- Лутин 2005 – *С.А. Лутин*. Именительный и творительный падежи на шкале потенциальной активности // Теория и практика преподавания русского языка иностранным учащимся в вузах. М., 2005.
- Лутин 2007 – *С.А. Лутин*. Русский генитив в функционально-семантическом аспекте. М., 2007.
- Маркус 1963 – *С. Маркус*. Логический аспект лингвистических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
- Мельчук 1995 – *И.А. Мельчук*. Русский язык в модели «Смысл – Текст». М., 1995.
- Мигирин 1973 – *В.И. Мигирин*. Язык как система отображения. Кишинев, 1973.
- Панков 2008 – *Ф.И. Панков*. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия. М., 2008.
- Плунгян 2003 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
- Проблемы 2005 – Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб., 2005.
- Савельева 2006 – *О.С. Савельева*. Формальные и содержательные свойства грамматической категории рода существительных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.
- Сучкова 2005 – *Г.М. Сучкова*. Прагматика межличностных взаимодействий. СПб., 2005.
- Теория-1 – Теория функциональной грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. Т. 1. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Изд. 2-е. М., 2001.
- Теория-2 – Теория функциональной грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. Т. 2. Темпоральность. Модальность. СПб., 1990.
- Теория-3 – Теория функциональной грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. Т. 3. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Теория-5 – Теория функциональной грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. Т. 5. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Трубецкой 1961 – *Н.С. Трубецкой*. Основы фонологии. М., 1961.
- Туманова 1985 – *Ю.А. Туманова*. Простые предложения, описывающие наличие объекта в объемном пространстве: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Фигуровская 2007 – *Г.Д. Фигуровская*. Метаконструкции, выражающие временные отношения в тексте // III Междунар. конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 20–23 марта 2007 г.
- Формановская 1998 – *Н.И. Формановская*. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
- Храковский 2005 – *В.С. Храковский*. Таксис следования в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005.
- Шмелева 1994 – *Т.В. Шмелева*. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1994.
- Ю Хе Кён 1996 – *Ю Хе Кён*. Однособытийные временные сложноподчиненные предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Якобсон 1972 – *Р. Якобсон*. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / Сост. О.Г. Ревзина. М., 1972.
- Lachur 1999 – *Cz. Lachur*. Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim. Opole, 1999.